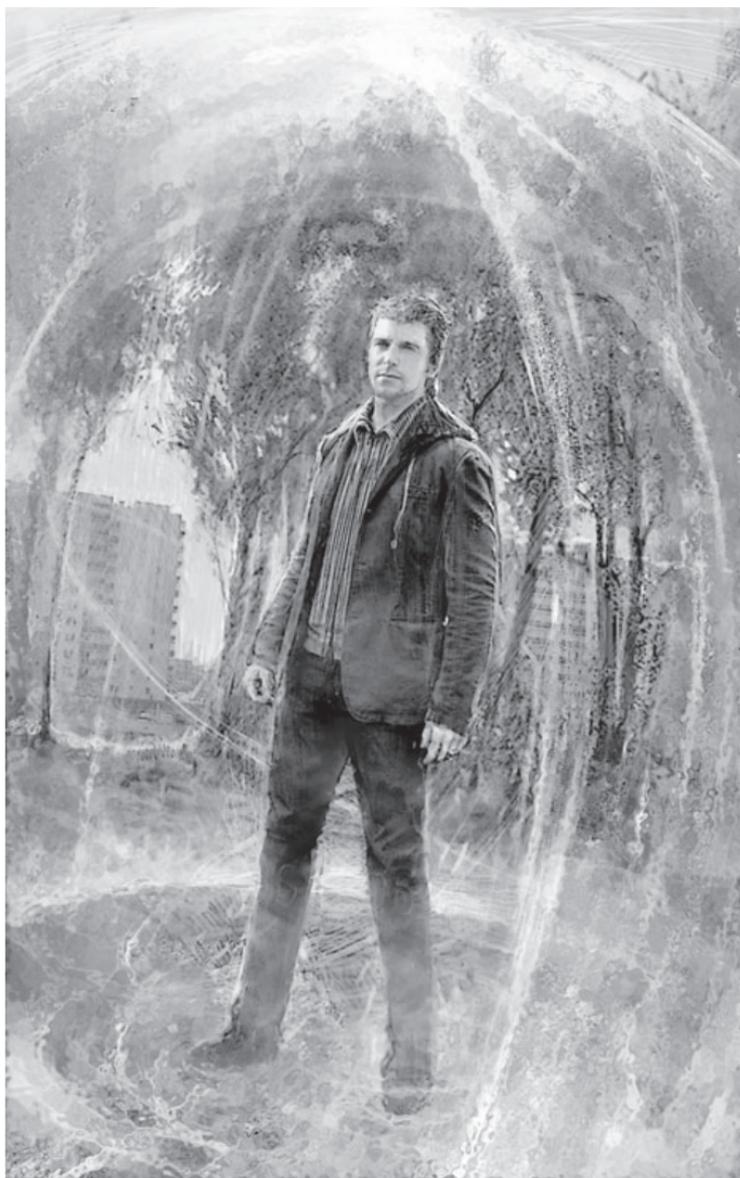

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Алексей ПЕРЕЯСЛАВЦЕВ

НЕГАТОР

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П27

Серия основана в 2004 году
Выпуск 452

Художник
С. Дудин

Переяславцев А.

П27 Негатор: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 375 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1376-8

Герой этой книги — неправильный попаданец. Он оказывается в мире магии, не имея навыков бойца спецназа, без оружия, а равно без знаний местных реалий и языка. Магических способностей нет абсолютно. Есть кошелек, ключи, часы, а также голова, руки и опыт инженера. Надо выживать, используя только это.

Повествование построено на строгой логике. По этой причине в нем имеются элементы детектива. А еще автор старался внести в книгу толику юмора и приличную дозу самоиронии.

Герой выживает в чужом мире благодаря уму. Но без драк повествование не обойдется. Эльфов, орков, гномов и драконов в этом мире нет. Зато есть много работы головой и руками. Темного Властелина тоже не имеется. Его заменяют человеческая жадность, зависть, злоба и спесь.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1376-8

© Алексей Переяславцев, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В книгах про попаданцев в магические миры главный герой, как правило, в них встраивается, используя магию в своих целях. Но что, если он абсолютно, органически не способен к магии?

Мне такая мысль показалась интересной.

По зрелом размышлении я решился на такую вводную: не способный к магии герой попадает в магический мир, не имея ничего, кроме того, что носит серенький обыватель в кармане — и в мозгах.

Я постарался сделать повествование максимально логичным. Если логика не заметна сразу — а ради таинственности я старался маскировать и прятать, то это не значит, что ее нет вовсе. Получилось чуть-чуть детективно. По этой причине я не раскрываю детали сюжета — не всем нравится читать детектив, заранее зная, кто убийца. А еще я старался внести в книгу толику юмора. Иногда это у меня получалось.

Если кто-то из читателей найдет в себе сходство с персонажем, прошу прощения, это вышло ненамеренно.

А что получилось в сумме — о том судить Вам, Читатель.

Считаю приятным долгом искренне поблагодарить моих читателей на Самиздате и вне его за теплые слова одобрения и за полезные советы и указания на дырки в стиле и логике. Не имею возможность упомянуть всех, но особо желаю выделить Лилию Бажан, Woron'a, Стива, Евгения, Теленя, Mihail'a и Grumbler'a. Моя особая благодарность Анатолию Спесивцеву и Владимиру Мясоедову за внимание к моей работе, поддержку и полезные советы в отношении издания книги.

ПРОЛОГ

Я неправильный попаданец. У меня — не как у других.

Другие попадают в иные миры в ходе катастрофы — машиной там переехало или в пропасть свалился. А я просто перешел границу.

Порядочные попаданцы испытывают крайне нехорошие ощущения — их хорошо, если бьют по голове, а то могут просто избить всего целиком, к тому же больно. А не ровен час, и вовсе убьют. Я же испытал, пожалуй что... нет, не наслаждение, но уж верно довольство.

Классический попаданец, влетев в недоразвитый мир, просто обязан иметь при себе «калаш», цинк патронов, камуфляж по сезону, обувь соответствующую, аптечку, зажигалку и небольшой запасец продуктов — ровно настолько, чтоб добраться или до местной (съедобной, конечно) фауны, или до аборигенов, которых достаточно несложно уговорить поделиться жратвой. На уговоры — две трехпатронные очереди, больше не надо. А вот у меня не было огнестрельного оружия, и вообще ничего из вышеперечисленного не было — если не считать оружием и продуктами бумажник и ключи. Одет и обут я был, правда, по сезону, но никак не по ландшафту.

Уважающий себя попаданец просто обязан не иметь никаких проблем с языком. Или он им владеет с самого начала (возможна и даже желательна некоторая настороженность туземцев, впервые услышавших слова «сисадмин» и «терабайт»); допускается также волшебник или магический свиток, единым духом обучающий чужому языку. Трудностей с иными языками не возникает — или знание их предоставляется сразу же, или таковых языков вовсе не существует, а есть некий всеобщий. Региональные диалекты трудностей опять же не вызывают, поскольку их не просто нет, а быть не может никогда. Владение письменной речью хотя и желательно, но не обязательно,

потому что вышеназванный попаданец, прекрасно и без акцента говорящий на чужом языке, уж как-нибудь освоит и письменность.

Личные бонусы, само собою, тоже прилагаются к истинному попаданцу. Он, скажем, великий боец, который в открытом бою может положить отделение солдат голыми руками, ногами и головой. Если автор позволит ему использовать в качестве оружия спичечный коробок и зубочистку, то этого хватит на взвод врагов. А уж если к вооружению добавить алюминиевую вилку, то и роту на эту вилку намотать можно. Ежели попаданец не воин, то он эрудит и знаток, которому ничего не стоит сварить высококачественную сталь из болотной руды. На крайняк годится также специалист-управленец, которому достаточно поковырять в носу, чтобы окружающая публика с радостным визгом кинулась варить эту самую высококачественную.

Впрочем, нет. Были у меня бонусы, только я сам не знал, что они у меня имеются — до времени.

ГЛАВА 1

Так вот: и еще кое-чего не было. Не было знамений, признаков, угрожающих дорожных ситуаций, хмурой астрономии и угнетенного состояния души. Никто не озаботился предупреждением моей особы о предстоящем. Ладно, будем снисходительны: никто не озаботился ясным предупреждением. А если и были тонкие признаки, то я их пропустил мимо всех пяти чувств.

В тот момент на мне были полуботинки класса «мокроступы» (прогноз обещал дождь во второй половине дня), синие джинсы, синяя же рубашка и темно-синяя ветровка. Часы. Очки. Бумажник.

То место, по которому я шел, можно было бы назвать рощицей или перелеском — но никак не дремучей чащей. Будь оно чащей — повырубили бы и понастроили домов, но слишком мал был этот участочек, чтоб на нем построить очень многоквартирный дом, а особняк, который мог уместиться, окружали бы в этом случае более чем ординарные, порядочно старые девятиэтажки. Фауна этого островка дикой природы исчерпывалась комарами и осами, а флора большей частью состояла из осин, берез и кривых елок — потому что прямые елки тоже давно исчезли.

Тропинок было довольно много: через лесок ходили, чтобы спрямить дорогу (но только в хорошую погоду), да еще там выгуливались собаки и маленькие дети из близлежащих домов.

Я как раз и спрямлял дорогу. Зонтик я сдурю оставил на работе, но на небе ничего дождевого пока что не просматривалось. Идти-то до дому было уже всего ничего — никак не более семи минут, когда ЭТО и случилось.

Уже много после, анализируя в сравнительно спокойной обстановке происшедшее, я так и не смог подобрать аналог своим ощущениям. Вероятнее всего, его и нет в человеческих язы-

ках. Поскольку к зрению, обонянию, слуху, вкусу и осязанию ЭТО решительно не имело отношения.

Я тогда просто остановился и на кратчайшее мгновение — нет, не увидел, но почувствовал над собою окруживший меня купол, который (я сразу это понял) увидеть было нельзя, и этот купол надвинулся на меня — и лопнул. И я точно запомнил, что в тот момент так и не мог понять — на пользу мне такой ход судьбы или во вред. И тут по зрению ударила страшная мешанина.

Когда же я проморгался, то весьма удивился. Во-первых, мир вокруг мен я явно изменился. Во-вторых, я сам изменился.

Растения были чужими. Очень похожими, но не такими. Таких я никогда не видел, а вроде бы во многих краях был. И местность была чужая. Лес был без малейших признаков «культуры» (пластиковых бутылок, пачек от сигарет, презервативов и стекла всякого рода). И домов родных тоже не было — собственно, не было видно ничего, что могло бы показаться человеческим жилищем.

«Так. Перенос, ясно дело», — подумал я. Явление распри-вычное, в теории, для тех, кто читает соответствующую литературу. Неприятные эмоции, появившиеся на практике, я много-словно выразил ненормативной лексикой русского языка.

Додумать мысль о переносе я не успел, на смену ей пришла другая: а я — это я или не я? Быстрый самоанализ показал, что посторонних личностей во мне не наблюдается. Значит, полный перенос сознания. Это плохо: прощайте, надежды на знание языка, реалий, а также иной информации сугубо местного значения. Теперь надо посмотреть, перенесся ли я сам. В теории — да, перенесся, поскольку на мне моя одежда и мои часы; да, и бумажник тоже мой. А в нем мой пропуск, в конце концов, с моей же мордой для контроля фейса. Однако то в теории...

Зеркала с собою нет, и в кустах не наблюдается. А и было бы — что-то неладное с глазами. Очки! Да нет, я их не ронял, они на мне, и стекла целы. А если их снять? Вот это уже сюрприз. Вижу так, как если бы нацепил мои парадные очки — а на мне-то были непарадные, которые для чтения и монитора. Проверим — да, это они. Или мне при переносе исправили зрение, или это все же не я... Ладно, пусть не мое тело, зато душу удалось унести. Впрочем, проверим еще. Посмотрим на руки для начала: так, явно мои, расположение родинок я помню... Э нет. Вот между большим и указательным пальцем был шрамик,

с отверткой неудачно поработал лет двадцать тому назад, а теперь его нет. Попробуем другую примету: у меня большие пальцы на левой и правой руке разной длины, это я в двенадцать лет ухитрился налететь большим пальцем левой руки на дерево. Ноготь сошел и снова вырос, а вот разница в длине — миллиметров пять — так и осталась. Да, она и осталась. Хорошо, проверим ноги. На левом колене шрам — след красивого падения с велосипеда, попавшего во флаттер, — нету его, исчез.

И еще что-то не так.

Как только я задумался над этим, то понял. «Нас греет холодная ясность...», как поется в песне Альфреда Солянова; вот, лучше и не скажешь. Полная ясность сознания; нет, это слабо сказано, абсолютная ясность сознания, вот как. Еще что? Улучшенная способность к анализу? Нет, этого нет, но есть другое: повышенная скорость анализа. Теперь буду куда сильнее в блице. Если только здесь шахматы имеются, а к ним и шахматные часы. Но есть что-то еще...

Ощутил я это сразу, а вот разобраться в собственных ощущениях — на то потребовалось время. Память — вот что улучшилось. Всплыл термин: эйдетическая память, то есть запоминается все. По слухам, у Гитлера была такая. И у Сталина не намного хуже. Порыскав в закромах собственной памяти, я понял: все учебники, читанные в студенческие годы, помню наизусть. Понимаю, правда, не все. Вот как не было у меня тогда глубинного понимания квантовой механики (хотя задачи из нее решал вполне недурно), так и теперь нет. А вот понадобится ли она мне здесь — вопрос пребольшой.

А что я достоверно НЕ помню? Увы, ответ простой. Не помню и не могу помнить, как делать оружие. Холодное и огнестрельное, ну если только исключить технологию получения булата. Да и то в этом польза невелика. Мало кто знает, что клинок из хромистой стали превосходит булатный по всем показателям, в том числе и по дешевизне. Не быть мне в здешних краях изобретателем автоматов и пистолетов. Ну разве что револьвер смастрячу, да и то наверняка скажутся провалы в знаниях материалов. И еще много чего не помню, но тут уж по мере поступления.

Еще один вопросец: как вернуться? Ответ печальный — никак. Не ушел я за грань — меня ушли туда. Моя новая память услужливо подсказала: в тот момент, когда я накрылся купо-

лом, скорость моя была равна нулю. Как, собственно, и сейчас. Значит, если меня перенес некто разумный, он может и вернуть — скажем, за выполнение некоего задания. Которого мне никто не выдавал. А вот если это явление природное — тогда кирдык. Для возвращения надо будет придумать теорию такого, да еще воплотить теорию в железе... Думать, однако, надо. А вот думать и не хочется...

Особенно же не хочется думать о том, как там мои. Жену больше всех жаль. С ней-то мы прожили... Эх, много прожили. Не сможет она снова выйти замуж. Слишком ко мне привыкла. Девчаток тоже жаль, особенно старшую. Младшая — «кирпичик квадратненький», а вот старшая — с натурой чувствительной, она меня долго и с печалью помнить будет. Простите меня, милые мои женщины, что ушел, не попрощавшись и не устроив вашу жизнь без меня как можно лучше. Простите, что вообще ушел. Не обещаю, что вернусь. Ненавижу давать обещания, которые не могу выполнить. Обещаю лишь все время следить за возможностью возвращения. И не упустить.

Ну, пора анализировать. Все мои новые физические возможности — это что? Магия?

Рассказывала моя бывшая сослуживица Аня о почти мгновенном излечении близорукости экстрасенсом. Всего-то изменяется усилие на цилиарной мышце (надо же, и это помню!). Аня, правда, добавила, что близорукость через несколько часов вернулась, но ведь в принципе самоизлечение возможно. Примем, что это не обязательно магия.

Рассасывание шрамов под гипнозом — тоже вещь известная.

Сверхпамять — так известны опыты по задействию ее через гипноз. Тоже не магия.

Скорость анализа? Уж это точно не магия, такое тренируется. У шахматистов, например: не рассматривать уже рассмотренный вариант. Еще пример: скорочтение. В сущности, скорость анализа изображения, не более того.

Проверим реакцию и координацию. Как проверить — да за просто. Сломаем вот эту ветку. От нее отломаем с пяток кусочков. А теперь подбросим вверх, невысоко.

Хорошая получилась проверка. Все пять я словил одной рукой — правша, поэтому ловил правой. И полное ощущение внутри, что это не предел. А ведь тоже известная вещь, слышал такое от дяди, что воевал. Ускорение организма, причем даже

произвольное. Откат есть, о нем тоже слышал. Но терпеть можно, так и проверка была хиленькой.

Ясно, что меня модернизировали не магией, лишь добавили те возможности, которые и так у меня внутри. Знать бы, что еще добавили, а то ведь и сам без понятия. Ладно, это пока оставим.

Теперь к вопросу о планете. Местность холмистая, но не горная. Погода... скажем так, теплая, в моей ветровке может быть и жарко. Солнца не видно, сплошная облачность. Насекомые точно есть, я бы даже сказал: полные аналоги земных муравьев. И что-то такое летает в воздухе. Растительность не земная, хотя весьма похожа. Да вот пример: сосна. Таких в средней полосе точно нет, похожа скорее на крымскую. А точнее не скажу, не читал я описания. Вот это смахивает на дуб, только листья не вполне такие. Одно ясно: судя по всему, царство покрытосеменных растений. У голосеменных жилки не так расположены, это видел. Значит, люди могут присутствовать. А вдруг эльфы-гномы-орки и прочие порождения фантазии? Или не порождения? Ясно, что не очень-то ясно. Следы разумной деятельности — вот что надо искать. Так... мусора нет. Следы лесозаготовок? Вокруг не видно. Тогда... тогда надо запомнить это место. Ну теперь-то мне не трудно. И — вперед. Но куда? А что, если попробовать прислушаться? Журчание воды где-то слышится? Не-а. Тогда какие варианты? Первый — идти вверх по склону (если таковой есть): с высоты лучше видно. Ну а если здесь гор нет? Тогда так и так ничего не увижу. Второй вариант — идти вниз по склону. Приведет к ручью — можно напиться хотя бы. О еде подумаем позже. А ручей приведет к речке, речка — к жилью. А там будет видно.

Конечно, оружие бы не повредило. Автомата нет, патронов к нему — тем более. Даже ножа нет. А что может быть? Посох. Желательно из твердой и прочной древесины. Да, но резать чем? Нечем. Ладно, дойдем до ручья — там могут быть камни. А где камни — там их острые края. Но идти — не торопясь, переломы-вывихи в мои планы не вписываются. Кстати, в ручейке и еда может найтись. Моллюски, к примеру. А то и мелкую рыбку удастся поймать. Конечно, без огня грустновато. Но это уж можно как-то организовать. Да ведь видел по телику, как дикие ребята из диких племен в дикой местности добывают огонь из двух диких деревьяшек. Надо бы воспроизвести. Но это потом, ручей вообще и вода в частности — важнее.

Рассуждения не подвели. Не прошло и получаса, как послышалось недвусмысленное журчание, а вскоре и сам ручей обнаружился. Даже небольшая речка. Для начала понюхаем воду. Пахнет именно водой. То есть никак. Это уже хорошо, а то в технологическом мире ручейковую воду пить без размышлений не стоит. Рискнем попить, но очень немного. Мало ли какая в ней микрофлора... Стоп. Справа родник. В нем микрогадости наверняка меньше. А увеличивать риск в моем положении не расчет.

Так, а вот и разумная жизнь, точнее ее следы. Погляди́м... Обувь непонятная, без каблука. Похоже на поршни, что носили мои предки лет этак много тому назад. Вся технология: нога заворачивается в кусок кожи, а вокруг голени или щиколотки обувка прихватывается ремешком. Отсюда вывод: гор вблизи нет. Поршни в горах изотрутся в два счета, да и ноги намнешь. Второй вывод: у аборигенов, вероятнее всего, есть в достаче домашний скот. Или же оставивший этот след — человек зажиточный. По-любому, здесь не палеолит. Обувь на пару размеров меньше моей, но это ничего не доказывает.

Насколько свеж этот след? По счастью, можно ответить, пусть и приблизительно. След в глине, глина сырая, кромки даже не начали подсыхать. Может, недавно был дождь? Не похоже, трава была бы мокрой, да и листья на кустах тоже. Значит, не более нескольких часов, если только влажность воздуха не близка к ста процентам. Но этого по ощущениям нет.

Так, подумаем, что делать дальше. Один вариант очевиден: идти вдоль берега, рано или поздно дойду до жилья. Второй вариант может сработать быстрее: идти по следу неизвестного. Вопрос: смогу ли отслеживать этот след? Пожалуй, да: трава высокая, мне чуть ли не по колено, след должен быть заметен. Кстати, трава очень похожа на нашу, из семейства злаковых. Хорошо бы еще отследить то место, ОТКУДА шел этот незнакомец, да выяснить, что он там делал, но терять на это время... Нет, не стоит.

ГЛАВА 2

Я был прав: след отчетливо выделялся на траве. Разумеется, я шел не прямо по нему, а держась в стороне — мало ли что, а за таптывать след не стоило.

След пересек поляну (и немаленькую, метров двести) посередине. Вот занятно: посередине. Значит, человек не боялся воздушного наблюдателя. Или просто знал, что таковых не существует. Или не ожидал, что его особа привлечет хоть какое внимание. Вопросов куда больше, чем ответов... Впрочем, это, вероятнее всего, хороший признак. Существование воздушной разведки может навеять нехорошие мысли.

Интересно еще кое-что: никаких следов крупных хищников. Ну хорошо, эти находятся на верхушке пищевой пирамиды, следовательно, встречаются в наименьшем количестве. Но что-то не видать следов пребывания копытных. Ни покусанных веток, ни отпечатков копыт, ни... гм... признаков того, что они тут неподалеку кушали. Возможно, лес слишком мал. Или их попросту истребили. Вот птицы — те вопят от души. Интересно, что знакомых звуков также не распознаю, но это ничего не значит. Ладно, не будем строить гипотезы, не имея достаточного количества фактов.

Вот еще занятный фактик в копилку: человек целеустремленно шел по лесу, нигде не останавливаясь. Что это может значить? Не курьер, ясное дело, те по дорогам ходят. Допустим, что тайный курьер; тогда может он сторониться дорог? Маловероятно. Какой бы ни был он тайный, но шел бы по дороге, в крайнем случае — вдоль нее. Дороги прокладываются так, чтобы быть кратчайшими путями сообщения. А незнакомец шел даже не по тропинке. Но если не гонец, то кто? Тот, кто уже сделал свое дело в лесу и теперь возвращается. Набрал полное лукошко ягод, с ним можно и до дому. А ягод-то и не видно. Вот грибы есть, но уж их я пробовать ни в коем разе не стану. Кто знает, как выглядит местная бледная поганка. К тому же не видно ни одного сорванного грибка или даже сбитого. Почему? Либо все они несъедобны, либо кузовок уже наполнен, либо человек пошел в лес не за грибами, а чем-то более ценным. Чем? Одни вопросы.

Похоже, опушка недалеко. Вот пень, явно дерево срубили топором, хотя и очень давно. Интересно, почему не спилили? А вот у этого упавшего ствола отрубили сучья. Самое вероятное — на топливо. Далеко такие вещи таскать не станут — значит, жильё было недалеко. Пожалуй, стоит идти поосторожнее.

Впереди просвет. Тут все понятно: опушка недалеко. Ага, вот и деревенские строения видны. Даже тропинка появилась, ведет прямо к этой деревне. И вот что непонятно: мой ведущий вдруг свернул вдоль опушки направо. Естественно, при этом

сошел с тропинки. Значит, он в этой деревне не живет. Зачем сворачивать? По тропинке идти всяко легче. На это, конечно, может быть куча причин. Возможно, местные деревенские охотно бьют лицо любому незнакомцу. Или здесь живет некий ревнивый муж, встреча с которым не входит в планы. А то, может быть, настойчивый кредитор.

Ладно, гадать не будем, а вот подобраться поближе и разглядеть местных жителей определенно не повредит. По виду и по одежде узнать можно многое. Для начала: человекообразные аборигены тут аль нет? А что, если деревенька оркская или там гномская? А вот как раз полоска кустиков, под их прикрытием можно вполне подойти поближе.

Так и подойдем поближе. Ох не нравится мне этот населенный пункт. Дома вроде как добротные, но... печные трубы есть, а дыма ни из одной не идет. Да и жителей не видать. Мало того: вообще никакой живности не видать.

Подумав это, я сразу же вынужден был остановиться. Передо мной была мертвая земля.

Вот идут зеленые кустики, а вот — как границу провели — они уже абсолютно мертвые, вон листья как обвисли. Вот вблизи небольшой муравейник, уж точно рядом должны суетиться его обитатели. Но нет, не суетятся, поскольку дохлые. Вот рядом с ближайшим домом — дерево. Возможно, оно было фруктовым, но сейчас оно мертвее полена. Нормальный хозяин не потерпел бы такого рядом с домом. Это же готовые дрова, даже если древесина не годится на какие-нибудь поделки. И трава за контуром смерти сухая совершенно. И даже птицы сзади меня свистят себе в свои свиристелки, а впереди — нет. Что же такое тут было?

Химическое оружие? Не бывает химического оружия с такой четкой границей применения, была бы переходная зона с полудохлой травой. Радиационное поражение отпадает по той же причине.

Биологическое оружие? Не смешите. Нет такого биологического оружия, что истребляет всю органику без разбора. Да и четкую границу тоже никак не объяснишь.

Что еще? Лучевое оружие? Гигантский рентгеновский или гамма-лазер — а иначе столь четкой границы не получить — вот он может прихлопнуть всю органику. Поток нейтронов не годится, у него рассеяние будет порядочное. Хорошо, пусть лазер, причем стреляли явно сверху. Я, положим, не видывал лазеров с диаметром луча порядка нескольких сотен метров, но

это я такой лопух, а здешние доктора наук могли подобное придумать. Или не здешние? Нападение из космоса? Огромная «Звезда смерти» гуляет себе по орбите и истребляет разумную жизнь точечными ударами лазера. И размерчик у нее подходящий. Тогда где имперские ситхи, которые должны осваивать уже необитаемую планету? Или я попал в тот самый момент, когда зачистка уже началась, но не закончилась? Нет, извините, в такие совпадения не верю. Следовательно, Дарта Вейдера — по боку.

И еще вариант: магия. Это хуже всего, хотя бы уж потому, что сам про нее не знаю ничегошеньки.

Так, не в том направлении думаю. Опасно ли сейчас это для меня — вот тема для анализа. Закончилось ли это оружие, каким бы оно ни было, свое действие? Потому что эту деревеньку неплохо бы обшарить на предмет ценностей и полезностей.

Что ж, проверим.

Вот подходящая зеленая веточка. Сунем ее в зону. Никакого эффекта. Два шага назад — и вот небольшая гусеница поймана и вброшена в зону. Жива-здоровая насекомая тварь, даже больше того — ползет в самую глубь зоны, как будто так и надо.

Вывод: что бы здесь такое ни произошло, оно, похоже, выдохлось. Скажем так, с большой вероятностью. Как бы еще проверить?

Да попытаться разглядеть еще чего. Так, переместимся влево на полсотни шагов. К тому же тут взгорок. Что получаем?

Когда-то это было домашним животным. Смахивает на некрупную собаку. Вон клыки в раскрытой пасти виднеются. Или сторож, или помощник охотнику. Не просто комнатная шавочка; крестьяне из любого мира народ практичный, животину лишь для эстетики держать бы не стали. Вывод: жители никуда убежать не успели. Не оставили бы они существо — тем более, оно и само бежать вместе с хозяевами могло на своих четырех. А если бы хозяева боялись, что собака их выдаст голосом, так привязали бы. Но нет.

А вот и местные жители. Точнее, то, что от них осталось. Посередине двора корыто. Рядом... непонятно кто, но, похоже, взрослый. А поодаль двое мелких. Вот это уже явное доказательство того, что удар был мгновенным. Человек занимался домашними делами, рядом крутились дети. Никто и не пытался убежать. Даже доползти до дома не смогли. И это же доказательство того, что сейчас в зоне безопасно. Есть ли смысл оставлять средство поражения действующим, если цель уже достиг-

нута? А какой, собственно, могла быть цель? Просто убить — что-то не верится. Очистить жизненное пространство — вот это уже вполне, аналоги помним. Или... оставить тутошнюю власть без налогоплательщиков? Тоже возможно. Или тут шел бой, а мирные жители попали под раздачу? Не катит. Во время боевых действий они бы попрятались. Наказание за недоимки? Так покойники все равно налоги не заплатят. Разве что в назидание другим? Где эти другие? Впрочем, разве что в той соседней деревне, куда и шел ведущий. Куча гипотез...

Пока что можно констатировать, что те, кто это сотворил, мне не нравятся. Со мной они поступят точно так же без размышлений. Что ж, постараюсь не подставиться.

Пока вывод: по всем признакам зона безопасна. Сколько я тут нахожусь — нигде ни единого движения. Засада, конечно, тоже не предусматривает движения. Но она должна быть правдоподобной. Что подумает двуногая дичь, увидя полную неподвижность и не услышав ни звука из деревни? Да то и подумает: засада. Или, самое меньшее, что это место надо обойти стороной по причине крайней его подозрительности. Именно это мой ведущий и сделал. Но мог это сделать и потому, что знает такие места и опасается неведомого мне оружия.

Ладно, последняя проверка. Возвращаюсь с пригорка на прежнее место. Где она, моя гусеница? Да вон же ползет, дура, в то место, где еды для нее точно нет. Жива, тварюшка.

Шаг в зону. Никаких изменений в самочувствии. Не доказательство, разумеется, но пока что видимых ухудшений во мне нет, исключая ухудшение настроения.

Подхожу к трупам. Сколько же они тут лежат? На этот вопрос ответа у меня нет. Не изучал судмедэкспертизу. Но запах есть. Вот еще соображение: микроорганизмы, весьма возможно, тоже попали под удар. В их отсутствии разложение идет медленнее и, вероятно, по-другому. А как? Никак, вопрос не изучал.

Нет, трупы обыскивать не буду. Да и перчаток у меня нет, а заражение трупным ядом в мои планы не входит. Но вот пошарить в домах можно.

Первое, что бросается в глаза: никто до меня тут не побывал — после удара, понятно дело. Вывод: в глазах местных риск от такого предприятия намного превышает возможные прибыли.

Окошки маленькие, в них слюда. Видимость не из важных, но сойдет.

Что ж, начинаем мародерить. Первое, что нужно — емкость для вещей, торба, сума, котомка. Лучше, конечно, рюкзак, но нутром чувствую, что этот мир для такого еще не дорос. А вот искомое, сделанное из кожи грубоватой выделки, зато с ремнем такой длины, что можно носить через плечо. Берем.

Продолжим. Вот на лавке стоит подобие тыквы-калебаса. Точно, в ней хранили воду, даже пробка есть. Берем. Пока все находки буду ставить на стол, а там наверняка придется что-то отсеять — не за ненадобностью, а потому, что много не утащу.

Рядом с другой лавкой лежит, вероятно, владелец дома. Одежда добротная, похоже, что не домотканая. На поясе нож, вот он мне и нужен. Ножны не возьму, от них, поди, разит. Посмотрим, что за нож.

Клинок, похоже, не для колбасы — на нем канавка. Боевой нож или, по крайней мере, охотничий. Оплетка рукояти — кожаная. Драгоценных камней в рукояти, к сожалению, нет; впрочем, это и ожидалось. А вот качествоковки на тройку с минусом, да и заточка не лучше. Металл... ну, на глаз видно, что в нем много серы. Уж больно характерные пятнышки питтинга (точечной коррозии) идут, да цепочкой. Похоже, делался нож из болотной руды, в ней как раз серы много. Сталь не высокоуглеродистая, это точно. Видны зазубрины с задирами. Думаю, что если попытаться этот нож согнуть, он и согнется, а не сломается. Мэйд ин деревенская кузница, короче. Общий уровень этой технологии я бы охарактеризовал как средневековый.

На полу стоит шкафчик. Что там внутри: посуда, ясно дело. Тарелки глиняные, но с глазурью. Куплено у специалиста по гончарному делу. То же относится и к кувшинам, их целых три, если считать небольшой кувшинчик. А что в них? Два пустых, а вот кувшинчик — с чем-то. Масло, вот что в нем; судя по запаху — пищевое. Деревянная коробочка — для соли? Точно, для нее, и притом соли едва ли на четверть объема. Тоже понятно: соль и в моем мире была когда-то очень дорога, и здесь, похоже, то же самое. Интересно, что соль не каменная, та с розоватым оттенком, а выварная, серая, к тому же с примесями чего-то черного. Попробовать? Нет, лучше пока не буду, а опробую эту соль на кушанье. Хотя вряд ли микроорганизмы выживают в соли.

Никаких пряностей нет. Стало быть, колониальные товары деревенскому люду не по карману. Хотя, конечно, это не значит, что торговли с местной Индией нет вообще.

В отдельной открытой коробочке — кремень, кресало и трут. Вот это ценность, без вопросов. Обязательно приберу. Пусть даже я не умею с этим обращаться, но терпение и научный подход должны помочь в разжигании пламени из искры.

Свечка. Только одна, да и та короткая. Попробуем ногтем: восковая. Ну да, это ценность. Сохранить обязательно. И керамический подсвечник. Наверное, его лучше не брать: уж больно тяжел. А это что за конструкция? Это светец, в него вставляли лучинку и получали осветительный прибор — недолговечный, конечно. Нужный предмет, на стол его. Клубок ниток, явно тутошнего производства. На стол, хотя в данный момент нитки не нужны. А вот иголки я не нашел.

Ложки — деревянные, понятно. Вилки, конечно, нет. Еще ножичек лежит отдельно на столе, этот явно для поделок: лезвие длиной едва ли с десятка сантиметров, клинок тонкий, заточка... посредственная, но точно лучше, чем у первого ножа.

Кожаный кошелек. Вот это интересно. С полтора десятка медных денежек и одна серебряная. Чеканка очень грубая, но так и должно быть. Общая сумма не впечатляет, но поскольку я не имею понятия об уровне местных цен — отложим все оценки на будущее.

Что еще? Печка, она же плита. Вот это занятно. Такого в русском традиционном быте не было. Внутри топки — колосник. Этим не удивишь, это не требует высоких технологий. А вот почти классическая плита — это технический скачок. Нука, посмотрим... Литье — вот что это такое, серый чугунок. Значит, куплено. Держать вагранку или хотя бы ее мелкое подобие в хозяйстве — недопустимая роскошь. Отсюда следует: торговые связи не просто имеются, но и весьма налаженные, иначе промышленные изделия из металла были бы недоступно дороги. Или же здешние крестьяне сами ездили на рынок в город, где это и покупали. Тоже возможно, но лишь при условии, что на дорогах не шалют. Еще вывод: дрова недешевы, этот тип плиты сравнительно экономичен, не сравнить с русской печью. Значит, леса охраняют. Иначе деревенские их бы мигом свели.

Теперь посмотрим, что там у ребят в сундуках. Эти закрома привлекательны на вид — сделаны из строганой доски и покрыты чем-то вроде воска.

Что-то завернутое в холстину... ба, да это лук. Если здесь средневековье, то продвинутое. Лук не простой — составной; вот они, роговые вставки между слоями дерева. Берег его хозяин, и правильно делал. И небольшой, и форма хороша. Судя по

ней, лук либо для леса, либо для конного боя. Надо бы найти тетивы (ну не может владелец такого лука иметь лишь одну), да стрелы разыскать неплохо. А вот в этих мешочках, должно быть, запасные тетивы — точно. Приберем. В немаленьком свертке, похоже, колчан. Вот его содержимое уже говорит о многом.

Во-первых, рукавица на левую руку из толстой кожи. Но эта кожа явно побитая. Понятное дело: тетивой посеколо.

Во-вторых, сами стрелы дают информацию. Ни одного бронбойного наконечника. Одни срезни, да еще листовидных с полдесятка. Последние — для тренировок, что ли? Или на птицу? Конечно, срезень очень хорош на всякую дичь, двуногую в том числе, — но не на тех, на ком броня. Хотя бы кольчуга. Вот разве что лишить всадника лошади. Да, это можно, если здесь лошади не бронированные, а ведь было и такое там, за чертой.

Напрашивается вывод: здесь, похоже, не воюют. Ой ли? Ну нет, такой вывод отвергну сразу же. Хотя бы потому, что вся деревня в покойниках. Не воюют луками — вот это ближе к истине. А чем? Надо бы посмотреть, есть ли оружие ближнего боя.

Вот топор, на вид не особо боевой: больно уж напоминает топор канадских лесорубов. Впрочем, в хороших руках всякий топор — оружие. Ко мне, понятно, не относится: фехтование на топорах не изучали-с. Серп на длинной рукояти, даже древке — сельхозинвентарь, конечно, но в умелых руках... смотри выше. А вот предмет откровенно интересный: пастушеский посох. Он уж точно двойного назначения, что и понятно: каковы бы ни были местные аналоги волков, пастух обязан иметь что-то, чтобы от них отбиться. Даже если здесь нет злостных нарушителей шестой и восьмой заповедей.

Все, похоже, более ничего боевого не найду.

Посмотрим второй сундук.

Так, тут одежда. Что-то вроде кафтана явно не повседневного назначения. Даже пуговицы роговые. Судя по размеру, это принадлежало хозяину дома. Штаны из непонятной материи. Было бы время — выдернуть ниточку да подпалить, так сразу по запаху можно отличить растительное волокно от шерсти. Штаны на вид не длинные, но тут можно ошибиться. Шапки, целых четыре. Две даже с вышивкой. Нет, эти мне не подойдут — явно малы, да и вышивка ни к чему, узнаваемая вещь. «Нам не нужны особые приметы» — как говорил Великий комбинатор. Третья и того меньше — явно детская. Четвертая вро-

де побольше и попроще, ее и оприходуем. Шерстяные чулки; значит, и стригут здесь кого-то, коз, скажем, или овец.

Еще несколько вещей, эти явно детские, их в сторону.

А вот рубашка, почему-то заметно грязная. Странно. Вроде неряшливости за хозяйкой дома не замечено. Рубашка не из дорогих. Ткань грубоватая. Почему она засунута в сундук, да еще на самое дно? Поглядеть на эту вещицу... Да у нее внутри что-то есть! Теперь бережно развернем.

Камни. Вот что надо рассортировать. Спасибо дяде-геологу, его коллекцию я в детстве перебирал часами. Это — кристалл аметиста. Ювелирная ценность аметиста и без того невелика, а у этого кристалла и вовсе близка к нулю: мутный, с трещинками, да еще неравномерность цвета. Зачем такой нужен? И еще странность: аметист обычно встречается друзами — зачем брать один кристалл? Это — пириты, все три — не больше ногтя на большом пальце. Ювелирной ценности не имеют вообще. Хотя пирит красивый. Приняли за золото? Впрочем, с точки зрения кристаллографии тоже есть дефект — один кристалл с двойником (дефект кристаллического строения, обычно выглядит как два кристалла, сросшиеся друг с другом), два других — явно отломаны от массива, очень уж одна грань неровная. Очень небольшой, прозрачный, желтый, шестигранный — цитрин, он же желтый кварц. Или гелиодор — желтая разновидность берилла? Наверное, он: цитрин лимонного оттенка, а гелиодор — золотистый. А вот проверим: у бериллов твердость выше, чем у кварца. Так и есть, этот желтый царапает аметист. Но тоже трещиноватый, к тому же с темными включениями. Впрочем, если только пустить эти камни на очень дешевые украшения... Не прокатит: полируют камни нынче вручную, это дорого, затраты лягут на стоимость всего украшения. Дымчатый кварц, это не редкость. Грани кристалла выглядят неплохо, а вот есть ли дефекты внутри — тут остается только гадать. И еще россыпь кусочков прозрачного кварца, эти даже кристаллическую огранку почти не сохранили. Ценность очень небольшая, поскольку они сами маленькие.

Краткий вывод по всем камням: в коллекцию годятся, к ювелиру — нет. Но с трудом представляю себе крестьянина, собирающего коллекцию камней. К тому же их довольно хорошо спрятали. Следовательно, владельцы полагали, что они имеют некую ценность. Тогда весьма интересно: кто такие камни покупает и с какой целью?

Проверим, какая у местных обувь. Вся она в прихожей. Хозяин как был, так и лежит в небольших сапожках, но снимать с него не буду. Хозяйка в чем-то смахивающем на сабо — подошва деревянная, верх кожаный. Дети умерли босыми. А что в прихожей? От поршни, это от хозяина. Вот нечто весьма смахивающее на туфли, судя по размеру — хозяйкины. Вот две пары маленьких сабо — ясно, детские. А больше и нет. Поршни, конечно, можно и надеть, но непривычные они, на себя их напяливать пока не буду, но припасу. Мои ботиночки, увы, не вечны.

Теперь посмотрим еду. Климат явно не холодный, так что погреб должен быть. Он и есть, вот люк. А вот как с освещением? Выключателя почему-то найти не могу. Ладно, нащепаем лучинок. Свеча — ценность, тратить ее не хочу. Впрочем, чего тут трудиться, лучины и так заготовлены.

Я, оказывается, выдающийся огнедел. И кто бы мог подумать: разжег лучинку, затратив всего лишь пять попыток! Ладно, пусть я не гений, но уж точно талантище. А теперь быстрехонько в погреб.

На полу лежит на боку что-то грызуновое — аналог крысы. Хоть я и читал Джерома, но ирландское рагу готовить не умею, так что к еде это не причислим.

Висят окорока. И что-то еще очень мясное или сальное. На копчености я согласен. Забрать все и поднести к лестнице, там хоть что-то видно. Один окорок порядочно почат, от него осталось не более двух третей. Все равно заберем. Бочка — ну, ее вскрывать некогда. Очень большой кувшин, судя по весу и по плеску — почти полный. Пиво, наверное. Ладно, к лестнице его тоже. Голова сыру. Когда-то я встречал это выражение в «Острове сокровищ». Теперь-то сыр такой формы уже не делают. А вот этот — именно голова. Обязательно беру. И еще кусок сыра — остаток от прежней головы. Двести грамм, не больше, но пренебрегать нельзя. Беру. Фрукты и овощи могли уцелеть разве что в консервированном виде. Сушеная зелень? Но это в погребе не хранят.

Лучинка уже догорает, ну да ничего, я потушу огарок и перетаскаю все, что отложил, наверх.

Перетаскал. Вот вопрос: аналог хлеба тут пекли? Я бы его хранил в закрытой емкости, чтобы меньше черствел. Посмотрим здесь... ничего, а тут... ну, это не совсем хлеб, скорее лепешки. По твердости приближаются к железобетону. Впрочем, если слегка размочить в воде... Вроде в войну так с сухарями поступали. А вот где они хранили воду? И можно ли ее пить?

На второй вопрос ответ есть, пожалуй. Если вода пережила такой удар, то микроорганизмы, если они и были в ней, убиты. Хорошо, хоть на один вопрос есть ответ. А все же — где хранили воду?

Я сам бы ее держал вблизи того места, где готовят. Готовила хозяйка на печи с плитой. Точно, вода есть в деревянных ведрах. А рядом две медных миски — одна с золой (для стирки, должно быть), вторая с чем-то растительным, совершенно сухим и очень мелко нарезанным — сырье непонятного назначения. Еще один вопрос без ответа.

А не перекусить ли?

То, что получилось в результате, напоминает поглощение сухая в компании с холодной водой. Бывало и хуже. А по вкусоности, может, и получше армейского. От горячего бы не отказался, да не хочется время терять на растопку печи да на подогрев; а на варку уйдет и того больше. Нет, пока обойдусь.

Так и не смог найти следов письменности. Ни книг, ни тетрадей, ни даже следов письменных принадлежностей. Точно так же нет ни икон, ни изображений вообще чего бы то ни было. Ну ладно, здешние крестьяне читать и писать не умеют — готов в это поверить, но ведь в России, помнится, в доме держали лубки. А тут ничего. Запрет на изображения людей?

Ах да, при доме был сарай. Проверим и его. Как и ожидалось, инструменты: еще топор, лопата (деревянная, но окована железом), что-то вроде мотыги, тяпка, грабли. Вилы есть. А вот косы нет. Нехватка железа? Веревки разной толщины, два мотка. Это может понадобиться, в припасы их. Сеновал в придачу. И мешки с чем-то зерновым. Ячмень? Овес? Наверняка что-то лошадиное,

Обойдя двор, обнаружил узкую и сравнительно глубокую яму, из которой явно тянуло застарелым дымом. Коптильня, вот что это такое. Теперь понятно происхождение копченостей.

Двуколка в хорошем состоянии. Грузопассажирский вариант: сиденье вместительное, хватит места для двоих и увесистого чемодана. Колеса, понятно, деревянные, но с железными ободами. Вывод: владелец ездил туда, где мощные дороги.

Что-то еще зацепило взгляд в тех камнях — ну да, почему-то среди них не было ни яшмы, ни бирюзы, ни мрамора. Очередная неясность.

Список вопросов быстро пополняется в отличие от списка ответов. Что ж, попробуем поискать ответы в соседних домах.

В основном находки в других домах были того же класса, что и в первом. Все я сложил на соответствующих столах. Мое богатство стало приближаться к уровню олигарха: сорок три медных монетки, четыре серебрушки, горсть кристаллов, среди которых я опознал один классический темно-красный гранат (правда, крошечный), и еще два я так и не смог узнать. Нечто темно-серое, игольчатой формы и непрозрачное. Да сверх того копченая колбаса (три кольца), четыре приличных окорока, два пласта сала целых и еще один, на три четверти употребленный, да круг сыра. Было еще несколько кувшинов молока, но его пить побоялся — процесс разложения может начаться и без микробов. И еще нашелся горшочек с медом — маловато даже для Винни-Пуха, но все же интересно. Ничего похожего на ульи или даже колоды для пчел не было. Куплен или отнят у лесных пчел?

Вот только в последнем доме было чуть не так. Меня насторожило местоположение увесистой бочки в подвале. Бочка была у стены, а прямо над ней нависала полка. На полке была куча всяких ящичков и ларцов. Но открывать бочку (если такая идея появится у хозяина) было бы крайне неудобно. Для этого ее надо выволочь почти на середину подвала. Или бочка что-то скрывает?

А как можно вытащить ее? На пробу бочка оказалась страшно тяжелой, мне не справиться, да и двое дюжих мужчин спасовали бы. А что, если с другой стороны?

Снять все содержимое с полки. Сделано. Разжечь еще лучинку, эта почти догорела. Вставить в светец. Так, полка закреплена на деревянных стойках, но сидит на них лишь под действием собственной тяжести. Значит, ее можно снять.

Теперь сдвинем бочку методом Хейердала: небольшой наклон, поворот вокруг точки опоры, далее точка опоры меняется, и поворот совершается вокруг нее... Получилось. Под бочкой, натурально, земляной пол. А если его потыкать ножом? Да там дерево на глубине не более пяти сантиметров. Тайник, вот что это. И наверняка стоит усилий по раскапыванию. Усилий много и не понадобилось — не более десяти минут аккуратной работы лопатой.

Нет, это не просто доски. Это доски с какой-то пропиткой. Ага, знакомый запах... креозот, он же каменноугольный деготь. Очень хорошая пропитка против гниения. Хотя и вредная, спору нет. Вывод — каменный уголь здесь известен. Даже известна его сухая перегонка. А значит, известен и кокс. Отсюда следует

подтверждение, что лес тут берегут. Известно, что древесный уголь в черной металлургии прекрасно может заменить кокс, причем металл выходит даже лучшего качества, но лишь при условии дешевизны древесины. И металлургия, похоже, не столь уж примитивна.

Затратив еще с пяток минут и пару лучинок, я получил возможность оглядеть найденное. Маленький арбалет, запасные тетивы и запас болтов к нему — вот что было в тайнике. Упругий элемент — из высокоуглеродистой стали. Никакая другая для этой цели не годится. Да еще эти рожки требуют толковой термообработки. Введение осуществляется воротом. Приклад и ложа клеены. Короче, продукт высоких для этого времени технологий. Откуда и для чего?

На первый вопрос ответа и близко нет. На второй... Маленький — значит, легко спрятать. Можно перевозить в разобранном виде. Вводится воротом, что медленнее по сравнению с рычагом. Зато усилие, вероятно, меньше. И взводить можно лежа. Если у него и «дульная энергия» подходящая — это оружие снайпера. Или засадника. Болты все как один с бронебойным наконечником. Это еще одно подтверждение, что передо мной — боевое оружие. А вот почему его спрятали?

От кого вообще прячут оружие? От шаловливых ручинок детей. От воров. От противника — это если ведутся боевые действия. А в их отсутствие могут спрятать от властей, если им такое оружие не по вкусу. Кому, например? Да хоть и здешнему барону или там графу. Заимеет зуб крестьянин на своего доброго господина, да и шамальнет из арбалета, улучив момент. И ведь не спасет броня. А еще, помнится, в моем старом мире церковь одно время анафематствовала арбалеты как богопротивное оружие.

Вряд ли это было спрятано только от воров. Было бы достаточно положить в сундук, и все тут. В доме постоянно кто-то есть, так что от воров этого достаточно. От детей... Дети — такой народец, что достанут запретное откуда хочешь, прячь не прячь. Ну разве что сделать это физически для них недоступным. Так что возможно, что и от детей. Но все же версия с припрятанным от властей оружием кажется более чем вероятной. Так все-таки что же с этим арбалетиком делать? Куда бы я ни шел, брать его с собой не след, кроме как если иду на дело. Иначе засветиться перед властями с таким предметом — плевое дело. А оно мне не надо. Решено — не беру, а прячу обратно, да еще бочку поставлю обратно, да еще затру следы моих раско-

пок. Полку на место, само собой, и все предметы, что с нее снял — обратно. Хорошая маскировка стоит усилий.

А вот еще непонятка. Двуколка есть, а лошади нет. Пришлось обойти пятно по периметру. Лошадь и прочий скот не нашлись, но нашлись следы. Несколько голов скота — крупнее козы, мелче коровы — направлялись за пределы пятна. А эти следы перекрывались следами конских копыт. Пастух, надо полагать. Повезло ему, похоже, не попал под удар. А вернуться было страшно. Так и ушел со стадом. Но за ним идти точно не буду, некогда.

Теперь пора идти на встречу с аборигенами. Переодеваться или нет? Пожалуй, не стоит: моя чуждость так и прет, привычная одежда ее не спрячет. Легендой можно не заморачиваться, все равно ее никто не поймет, языка-то не знаю. Оружие? Нож у пояса не повредит по-любому, здесь, вероятно, и за оружие не считается. Посох? Нет, это явно знакомый предмет. К тому же местные наверняка к нему привычнее, чем я.

Но для начала — разведка. Погляжу на них издали, а там и выйду.

Поскольку понятие торговли им знакомо (а иначе откуда гончарные изделия и кожа пристойной выделки?), то стоит посмотреть, как они среагируют на деньги. На всякий случай медную денежку сунем в отдельный карман, а кристалл не из важных (насколько я сумел понять) — в другой. Хотя нет, пусть будет три денежки, но не серебро. Часы не светить. Кошелек и ключи — тоже.

Вперед, за информацией!

ГЛАВА 3

К моему некоторому удивлению, подобраться незамеченным удалось без особых усилий. Я удобно устроился в кустах, от которых до ближайшего дома было не более 50 метров. И вообще с точки зрения обороны деревня являла собой пример того, как не надо укреплять населенный пункт. Нападающие могли бы без труда организовать штурм с двух направлений одновременно, причем ни одно из них не предоставляло никакой возможности для защиты. Нет сплошной изгороди (о частотке молчу). Ворота не было как таковых. Беспечность? Нет, думаю, что им просто некого бояться. Следовательно, здесь не водятся стайных хищников, которые могли бы осмелиться в

суровую зиму (еще вопрос, бывают ли здесь такие) на нападение. Видимо, и разбойничков местные власти извели.

Что ж, начнем систематизировать.

Всего в этой деревне домов тридцать, не меньше. Все расположены вдоль дороги, причем укатанной и даже с заметными следами колес. Интересно, деревня стоит на тракте или в тупике? Первое для меня лучше, тогда в деревне должен быть трактор, да и сама такая деревня богаче, чем та, что расположена в тупике. А чем богаче аборигены, тем меньше у них соблазна вызовут мои медные денежки. Вон справа, судя по ровности рельефа и зелени — поля. А что на них? Узнать местную географию и ботанику, безусловно, стоит, но времени на это нет. Чем дольше я буду это делать, тем больше риск, что меня за этим поймают. Не имея в запасе ни единого слова на местном языке, отмазываться от обвинений буду не очень долго, но безуспешно.

Местные жители ничем не отличаются от людей по внешности. Этнический тип смахивает на казанских татар, хотя есть и совсем уж жгучие брюнеты и темно-русые. Ни тебе эльфов, ни орков, ни гномов. Кстати, это и хорошо: в межрасовые разборки влезать совсем не с руки. Одеты чисто и отнюдь не в лохмотья. А вот и еще признак зажиточности: обувь. На половине мужчин короткие сапоги, еще видел поршни, а на женщинах — сабо. Только дети босые. Рост, похоже, меньше, чем у нас. Там свой рост я полагал не намного выше среднего. А тут я покажусь сильно высоким.

На таком расстоянии речь уже слышна, но язык явно незнакомый. Что и ожидалось. Впрочем, интонации узнаваемые. А вот самое ценное наблюдение: женщина подзывает девчонку, что-то ей говорит, та кивает, а потом спешит в дом. Поручение? Точно, девица приносит корзинку. Значит, как и у большинства народов моего мира, кивок — знак утверждения. Это просто замечательно, не придется переучиваться.

Ну, попробуем тогда поторговать. За купца, конечно, не сойду, но ведь торгуют не только купцы. Не вижу, почему бы благородному дону не купить здесь, скажем, пива? Или даже вина, если таковое есть. Для начала обойдемся мирными средствами, а не выйдем — так сбегу в проклятый (наверняка) круг. Туда они лезть побоятся.

Мое появление на тропинке, ведущей к домам, произвело несколько странное впечатление. Наиболее ожидаемо для меня среагировал пацаненок трех-четырёх лет. Он засунул палец в рот и с любопытством уставился на меня. Трое детей по-

старше карьером рванули по домам. Еще трое взрослых поспешили поклониться и остались на месте. И еще двое подростков помчались к дальним домам с не вполне понятной целью: то ли известить обо мне здешнего начальника, то ли предупредить соседей о зашедшем на огонек людоеде.

Объяснить такое поведение просто появлением чужака я никак не мог. Единственный вывод, который пришел на ум, был: меня явно приняли за кого-то другого, причем этот кто-то очень опасен даже без оружия. Подтверждением служила короткая искорка ненависти, блеснувшая во взгляде оглянувшейся на бегу некрасивой девчонки. Поскольку лично я ей ничего плохого не сделал, то вывод: я напоминаю или конкретного скверного человека (маловероятно) или похож по одежде на выходца из скверного сословия. Знать бы, какого именно.

Молчание несколько затянулось. Придется его прерывать.

Я достал медную монетку и показал селянам. Потом показал жестом, что хотел бы выпить. Уточнить с помощью знаков, вино какой страны я предпочитаю в это время дня, мне не удалось.

Старший по возрасту мужчина сказал несколько слов (а я ухитрился их запомнить), стоявшая с краю молодая женщина порскнула в дом и тут же появилась с кувшином. Я взял в руки кувшин и осторожно понюхал. Несомненно, в напитке содержался спирт, пусть и в небольшом количестве. Запах был фруктовый, хотя и незнакомый. Я знаками показал, что кувшина мне много и с помощью рук попросил налить кружку. К моему удивлению, меня поняли, и та же молодка поспешила за кружкой. Налив ее до краев, я предложил отпить старшему мужчине, на что тот охотно согласился. Местное плодово-ягодное было явно сброжено не полностью: остаточный сахар чувствовался, а крепость была вряд ли больше семи градусов.

Почему-то местные все время переглядывались. Больше всего это напоминало ситуацию, когда люди просто не знают, что ждать: вроде как и человек, да на двух ногах и без рогов с хвостом, а ведет себя совершенно не по канону. Пока я проводил анализ фактов в поисках правильной линии поведения, на сцене появился еще один гость.

Собственно, неторопливый стук копыт я услышал с пару минут тому назад, но оглядываться не хотелось вообще, а в частности, не хотелось показать местным, что я его слышу. Пока я прикидывал, в какой момент повернуться будет уместным,

местные дружно вылупились на конного у меня за спиной. При такой реакции я тоже посмотрел.

Всадник. Под седлом верховое животное, напоминающее лошадь Пржевальского. Во всяком случае, существо коренастое, сильное, ширококопытное, только гнедой масти. Всаднику, будь он из моего мира, я бы дал возраст от восемнадцати до двадцати. Одежда — синий плащ, сапоги черные вроде ботфортов, шляпа с полями (скажем, поменьше, чем у мушкетеров в известном фильме), оружия или нет вообще, или оно скрыто под плащом. Шпагу я бы заметил, а вот палаш — пожалуй, нет.

Темный шатен, волосы не до плеч, но порядочно длинные. Коротко стриженная бородка. Взгляд удручающе надменный. Похоже, на то имеет основание: кланяются ему весьма низехонько. Кто же это мог быть?

Местный князь (сеньор, лорд) — не похоже, тот был бы со свитой. Сын такового: возможно, но он был бы в компании сверстников — таким совершенно необходимо окружение, среди которого он был бы первым. Управляющий — по возрасту не подходит. Ближе всего — чрезвычайный и полномочный посол от власти, причем обязан произвести надлежащее впечатление одним своим присутствием. Без причины такой не заедет. Что бы ему могло такое понадобиться?

Приезжий гавкнул фразу явно приказным тоном. Причем не обратился к кому-то конкретно — велел позвать старосту, что ли? Точно: вот бежит явный председатель местного колхоза. Кланяется ничуть не хуже односельчан. Уважением тут не пахнет — скорее подобострастие.

Тут приезжий сделал вид, что заметил мою очень незаметную особу. Вопрос к старосте. Непонятно, но поскольку всадник сделал легкое движение подбородком в мой сторону, угадать перевод не так и трудно: «Кто это такой?» Староста пустился в длинное объяснение, тоже непонятное, но я бы на его месте старательно перевел стрелки на меня — пришел, мой, такой из лесу, по-человечески не говорит, но денежку за вино предложил, каковое вино в настоящий момент и потребляет.

«Синий плащ» перевел взгляд на меня. Выражение на лице: «Мне скучно и недосуг с тобой возиться, но берегись, если мне придется это делать». Последовал короткий вопрос, схожий с тем, который задали старосте, наиболее вероятный перевод: «Кто таков?» Я ответил наивежливейшей улыбкой и фразой, смысл которой был примерно таким: простите, мол, я ни хре-

нышка не понял из вашего учтвого обращения, но дайте мне время, и я изучу ваш благородный язык.

Всадник довольно умело спрыгнул с коня, кинул не глядя поводья — явно в предположении, что их поймают (и ведь был прав), затем коротко-лающе произнес еще три вопроса. Они, по всей видимости, были риторическими — судя по тому, насколько мало давалось времени на ответы. За вопросами последовала короткая и гневная фраза — и тут все стало на свои места. В интонации нельзя было ошибиться: «И вообще встать, когда с тобой разговаривает подпоручик!»

«А ведь ты прав, парень, — подумал я с какой-то ледяной отстраненностью. — Ты и в самом деле младший лейтенант, огромный и страшный начальник. Конечно, пока рядом не нарисуетя старлей, не говоря уж о капитане. Вот только почему ты так уверен в своем превосходстве? Или за тобой стоит серьезная сила, или, что хуже, ты и сам чего-то стоишь».

Я убавил тепла в улыбке и довел до сведения синего, что его вопросов и претензий не понимаю. В то же время мой мозг (почему-то совсем без моего участия) напряженно анализировал: чем бы он мог быть вооружен.

Все, что длиной со шпагу и больше, — отпадает, я бы заметил. Метательное оружие тоже маловероятно, плащ не особо просторный, лук бы выявился, не говоря уж об арбалете. Метательные ножи — возможно, но не очень офицерское оружие, в моем мире оно принято не было. Короткий клинок — очень возможно. Что еще? Нунчаки, кистень — вполне. Шестопер или булава — пожалуй, тоже, но лишь с короткой рукоятью. А больше ничего придумать не могу, кроме пистолета, но при таких арбалетах — маловероятно. От любого оружия ближнего боя я смогу убежать — просто потому, что вряд ли ВАЖНОЕ лицо станет меня преследовать. Напустить отделение солдат — вот это возможно, но к тому времени я буду уже далеко. Или попробую пустить в ход мою хорошую реакцию. Остается еще неясность: почему он держит руки пустыми?

Похоже, гросс-начальник дал ответ на этот вопрос. Он сделал еле заметный жест пальцами (даже не кистью), причем вообще без явной направленности в мою сторону. Ничего не произошло, то есть это я не почувствовал ничего, а вот на лице моего оппонента с совершенной отчетливостью последовательно пробежала стайка эмоций. Недоумение. Понимание. Еще большее недоумение. Страх. Да, господин младший офицер, тебе еще долго учиться играть в покер. У тебя что-то не сработало, ты не

понял, почему такое случилось, потом у тебя мелькнула догадка, потом и она не подтвердилась, и вот тогда ты испугался.

А вот крестьяне мгновенно кинулись кто куда. Они явно знали, чем такое столкновение может кончиться. И это было не похоже на то, как отворачиваются, не желая быть свидетелями. Скорее это походило на уверенность, что у нас обоих есть за пазухой гранаты. И никто не желал словить осколок.

Но поединок на этом не закончился. Его правая рука нырнула за ворот плаща. Она еще двигалась, когда я сделал шаг влево — в неудобную сторону для прицеливания. Одновременно его лицо отразило уже не страх — ужас. Я понял: он успел пустить свое оружие в ход, и оно его подвело. И все-таки он его выхватил. Это была серебряная подвеска с бледно-розовым камушком посередине. Последовал вопль с его стороны, судя по всему: «Руки вверх или я стреляю!»

Ага, сей же момент. Ситуация: на вас навели пистолет, боек щелкнул вхолостую, после чего следует команда бросить оружие под угрозой расстрела на месте с конфискацией и строгим выговором. Вы бы поверили? Вот я тоже не поверил. Просто шагнул вперед и выхватил подвеску из его лапки. Цепочка лопнула, а офицерик чуть замертво не свалился от потрясения.

Теперь проблема — а что делать с этим пленным? «Язык» был бы ценным — кабы у меня самого было знание языка. Задача: кого бы выбрать в качестве учителя? Этот — человек явно образованный, он научил бы большему, чем любой из здешних крестьян, но... придется потратить немалые усилия на предотвращение его побега. Разве что напугать его так, чтобы о побеге и не думал. Как? Блефом? Подсунуть якобы магическую железку и сказать, что рванет? Если он маг — а на то похоже, — может и раскусить.

Однако почему же ни он сам, ни его магическая приспособа не сработали? Или это я таким дурным образом действую на здешнюю магию? На людей и на вещи. А что, на это похоже. Проверим.

Подзываю бывшего супротивника жестом поближе. У него в глазах читается полный разлад и жестокое поражение вкупе с внутренней контрреволюцией и пожаром на чердаке. Знаком показываю: выверни карманы. Понимает мгновенно. Это хорошо.

Какая у меня добыча? Довольно увесистый кошелек с деньгами — до сотни серебряных и примерно тридцать медных монет. Это мне пока не нужно. Никакого оружия — ни холод-

ного, ни «горячего». Значит, он целиком полагался на магию? Возможно. Непонятные побрякушки, числом шесть. Амулеты? Возможно. Все до единого снабжены кристаллами. Вот это уже дает некоторое объяснение. Интересно, что кристаллы не обработаны. А ведь делать кабошоны в Европе научились давно — с античных времен. Что за камни? Так, один розовый кварц, почти прозрачный, один с аметистом посередине и с черными кубическими кристалликами по краям — галенит, что ли? Странно: он не особо твердый, да и видом неказистый. Это — вроде турмалин, но очень небольшой. Еще прозрачный кварц, тоже некрупный. А этот совсем крошечный, но по цвету похож на рубин. Сплошь в трещинках, как бы не рассыпался. Даже не хочется проверять твердость, хотя стоило бы. Еще аметист, но довольно темный, почти непрозрачный и тоже некрупный. Видывали и побольше. Все заключены в серебро. Некоторые в виде подвесок, некоторые — просто блямбы. Все с узорами: магические руны, что ли?

Еды никакой — это и понятно, в деревне он ее бы получил. Небольшая фляга, не более литра, сделанная из тыквы. На звук — не пустая. Понюхать, что внутри? Нет, это терпит.

А вот интересно: как бывший владелец реагирует на то, что я перебираю его сокровища? С полным унынием и депрессией: по пятидесяти процентов каждого ингредиента, спиртом не разбавлять. Похоже, он сожалеет не столько о том, что предметы поменяли хозяина, сколько о том, что все они безнадежно испорчены. Но тут полной уверенности, разумеется, нет.

Но все же язык — первое. Что для изучения нужно? Предметы, названия которых будет произносить мой учитель. Действия придется изображать мне. Наречия — тоже мне. Прилагательные — показывать на примерах. И для всего этого — помещение и время. Второе, полагаю, у меня имеется. Первое... с этим сложнее. Нет в данной деревне свободных домов — скажем так, обычно их не бывает. Но вдруг есть?

А вот попробуем.

Подзываю старосту к себе. Тычу пальцем в его дом, потом в него самого. Потом приглашаю подойти к следующему дому. Проверяю, есть ли кто из владельцев. Идем дальше. Так проверяем все дома.

А пустой дом все же нашелся. Или, скажем так, незанятый. Уехали обитатели. Староста дважды показывает семь пальцев. То ли две недели, то ли семь недель. В любом случае мне хватит.

Веду молодого человека в дом. Он переставляет ноги в полной прострации. Из него можно черпать отчаяние ведрами. Ну это мне по барабану — лишь бы учить начал.

И дело закрутилось.

ГЛАВА 4

Обучение оказалось сложнее, чем я мог представить — даже с учетом моей превосходной памяти. Для начала я представился. Давать мое настоящее имя почему-то не хотелось, и я назвался школьной кличкой Профессор. В ответ выяснил, что моего пленника зовут Саратов. Как позже выяснилось, первое имя соответствовало имени в русском понимании, второе было родовым именем. В отличие от русского, обращение по имени допускалось лишь в отношении близкого знакомого, родственника или равного по рангу. В первый вечер я выучил все бытовые понятия, многие из цветов (пришлось задействовать букетик, который собрала одна из деревенских девочек), повседневные действия, а также названия единиц времени. По крайней мере, из дней собиралась здешняя неделя, из нее — месяц, а их них — год. К моему удивлению, сдвинулась с нуля грамматика. Правда, практика тут же показала, что использование глаголов в неопределенной форме снижает недопонимание до минимума, и я решил именно так разговаривать вплоть до полного овладения здешней грамматикой. После некоторых усилий я вдолбил в учителя мысль о том, что любой мой жест надо не просто стараться понять, но тут же пытаться переводить. Надо отдать справедливость моему наставнику: он не только подбирал простые слова, но и пытался говорить медленно и с четкой дикцией. Впрочем, с абстрактными понятиями обстояло куда сложнее, как и с произношением.

Тактика удержания моего пленника была простой, как табуретка. В первый же вечер я его утомил до такой степени, что парень заснул, сидя на лавке. Потом я его разбудил, довел до лежанки, укрыл тем, чем местные пользовались вместо одеяла, и оставил в покое. Разумеется, раздеванием-разуванием я не озабочился. Меры предотвращения побега состояли в чурбачке с крайне неровным торцом, который я прислонил к двери. Любая попытка приоткрыть дверь привела бы к падению чурбачка — остальное ясно. Еще один шумосигнализатор (серая нитка, совершенно незаметная во тьме и предназначенная для

опрокидывания палочки, опирающейся на стенку) я устроил непосредственно у лежанки, где мирно дрых мой уважаемый учитель. Третья мера была основана на мне самом — я приказал себе отслеживать во сне любые подозрительные звуки. Уверенности не было, но подумалось, что в свете новых возможностей организма это может сработать.

Проснулся я первым. Минут двадцать потратил на то, чтобы составить план. В этот план входило обзаведение книгой — хорошо бы букварем, но ожидать такого было чересчур оптимистично. Кроме того, мне очень хотелось узнать подробнее о вооружении здешних обитателей, в частности, о магии — если таковая в этом мире действует. С этой целью я планировал до тонкостей разобраться — что же такое те безделушки, что я нашел у пленника? На это я отвел никак не меньше двух дней, что было абсолютно точным прогнозом. Действительно, освоение соответствующих понятий заняло ничуть не меньше двух дней. Много больше, если быть точным.

В число первоочередных задач я поставил также уяснение социальной структуры здешнего общества.

К моему приятному удивлению, оказалось, что местные знакомы с понятием «туалет типа скворечник». Мало того: это сооружение находилось на расстоянии более пятидесяти метров от колодца. Кто же это внушил местным такое тонкое понимание правил санитарии?

После завтрака я затратил не более пяти минут на разъяснение старосте моего желания заполучить книгу. Тот, правда, понял, что мне нужно, но, в свою очередь, дал ясно и недвусмысленно понять, что грамотных в деревне нет. Он с таким жаром и столько раз это повторял, что у меня зародилось сильнейшее подозрение: в деревне всеобязательно имеются грамотные, но власти этого очень не одобряют. С трудом мне удалось объяснить старосте, что книга мне все равно нужна; он в ответ дал понять, что книгу можно приобрести на рынке, да и многое другое, если надо. А вот термин «писчая бумага» я перевести на местный не мог, как ни старался. Возможно, само слово «писать» было абстракцией для местных. Или это занятие также не пользовалось любовью властей.

Я считал, что потратить час-другой на изучение имен числительных и математики вообще — дело нужное. К счастью, местные использовали десятиричную систему счисления. Система записи чисел сильно смахивала на римскую. Поэтому я произвел сильнейшее впечатление на моего визави, когда продемон-

стрировал навыки не только сложения и вычитания, но и умножения двузначных чисел — все в уме. Было видно, что ему страшно хочется тут же попросить меня учить этому дивному искусству, но боязно. Я сделал вид, что ничего не заметил.

А вот дальше начались уроки по этикету. Как к кому обращаться. К крестьянину, понятно «эй, ты там!» или «послушай». К купцу или ремесленнику — «уважаемый», но при этом наставник ухитрялся голосом сдобривать формально-вежливое обращение хорошей дозой иронии, а то и высокомерия. К военному (но не магу) — «сударь». В знак особой вежливости к этому добавлялось воинское звание. При этом наставник не преминул заметить, что словосочетание «сударь солдат» малоупотребительно. К магу обращение оказалось самым сложным: «почтенный» (это для мага самого низшего уровня), далее в порядке возрастания шли «достопочтенный», «весьма почтенный», «особо почтенный», «высокопочтенный» и «почтеннейший».

Я, разумеется, поинтересовался, как отличить магические чины. Отличие оказалось в цвете плаща. Причем сам плащ мог быть и серым, и черным, но вот лента на нем должна была соответствовать рангу. А уж если средства позволяют — то и цвет всего плаща. Цвета же, в порядке возрастания, были такими: синий, зеленый, желтый, оранжевый, красный, пурпурный. Ну что ж, если есть мир с цветовой дифференциацией штанов, то же самое в отношении плащей имеет право на существование. Само собою, никто иной, кроме магов, носить соответствующие плащи не мог. Самозванство считалось тяжким преступлением и каралось соответственно.

Синий цвет носили бакалавры. Это были выпускники четырехлетнего курса обучения в магическом университете. Права на самостоятельную постоянную практику у них не было, но было разрешено брать разовые заказы.

Следующие два года обучения со сдачей соответствующих экзаменов давали степень лицензиата. Этот чин мог не только пришить зеленую ленту на плащ, но и получал право на постоянную практику: лицензиат мог снять контору, повесить вывеску о себе, многознающем, и «стричь» заказчиков на постоянной основе.

Еще три года обучения с защитой диссертации давали магистерскую степень. То же, что и лицензиат, с довеском в виде права иметь учеников, но не более двух одновременно. Еще одна диссертация приносила докторскую степень. Доктор ма-

гических наук имел право преподавать в университете и иметь до десятка личных учеников (студенты — не в счет). Дальнейшее повышение ученого статуса было возможно лишь путем написания ученого труда на уровне книги, успешной заявкой на новое заклинание или новый магический прибор. Для получения следующего звания (кандидата в академики) это считалось необходимым, но не достаточным условием — требовалось также утверждение Магической академией. Для получения звания академика требовалось как обязательное условие открытие мирового значения и опять же голосование. Всего академиков было десять. Все это было настолько знакомо, что возникали нехорошие мысли о плагиате. Из академиков состоял Верховный совет магов — правителей страны, как я понял.

Несколько раз собеседник пытался свернуть разговор на мою особу, но все нежелательные повороты были мною вежливо, но твердо пресечены. Единственная информация, которую я о себе дал, — это то, что там, откуда я прибыл, магия тоже есть, но она полностью или (в лучшем случае) частично несовместима со здешней.

Дальнейший разговор привел к мысли, что мне придется срочно закончить курс теоретической магии (а практическая, по всей видимости, для меня прочно закрыта). Для начала я спросил, что такое те бижутерюшки, что я изъял. Ответ был длинным и до крайности туманным. Я понял, что большую часть терминов не понял. Что ж, это не та тема, где стоит проявлять нетерпение. Диалог был примерно следующим.

— Что это? — указываю на кристаллы.

— Это кристаллы.

— Что они делать?

— Эти запасают силу. Эти увеличивают силу.

(На самом деле получение этого ответа заняло полчаса.)

— Все маги увеличить силу?

— Нет. Один маг увеличивает силу много-много, другой маг увеличивает много, третий маг совсем немного, четвертый никак.

Тычу пальцем в выбранный наугад кристалл.

— Твоя сила увеличить?

— Да.

— Много-много увеличить?

— Да.

Но утвердительный ответ пришел с явным колебанием. Кажется, я понял его причину: кристаллик был совсем мал.

— Другой маг увеличить сила?

— Да, если я дам... — Непонятное слово.

После совсем недолгих уточнений я понял: для пользования кристаллом нужен магический ключ.

— Ключ делать ты?

— Да.

— Этот кристалл запереть ты. Другой маг делать ключ сам?

— Нет, — после некоторого раздумья. — Почти нет, много работы, очень трудно.

Понятное дело, подделка ключей — работа нелегкая и не всегда успешная.

— Другой маг иметь ключ, этот кристалл увеличить сила много-много?

Потребовалось еще не меньше двадцати минут, прежде чем я понял: даже наличие ключа не гарантирует увеличения силы — требуется соответствие типов магии в кристалле и в маге. Как же, читывали: разные школы магии используют разные типы магии. Попробуем опять наугад.

— Магия огонь увеличить? — Указываю на рубин.

— Да, но не только огонь.

— Какая магия увеличить?

— Магию воды — сильно, магию... — непонятное слово, — почти сильно, магию... — последовало опять непонятное слово, но тут мой собеседник на секунду задумался, потом догадался: надул щеки и дунул. — Немного, магию жизни, — еще два непонятных слова, — почти никак, магию смерти — никак.

После этого я полчаса бился, стараясь определить, что это были за непонятные слова, но в результате получал раз за разом беспомощные жесты, сопровождаемые криками: «Трам! Трам-тарарарам!!» Ладно, потерпим.

Потом пришлось затратить еще минут десять на понятия «больной» и «здоровый», после чего допрос продолжился.

— Магия жизни больной человек делать здоровый?

— Да.

— Магия жизни больной корова, — (то, что я именовал этим словом, было скорее антилопой, но функции несла те же), — делать здоровый?

— Да.

— Магия жизни делать старый человек молодой?

— Да, но это дорого.

— Магия жизни зерно, — (то, что я видел, было похоже на пшеницу), — расти много-много?

— Да.

Ага, кажется, я нащупал секрет высокой производительности здешнего сельского хозяйства. И тут мне припомнилась обратная сторона жизни.

— Магия жизни здоровый человек убить?

— Да, но нет.

На уточнение этой тонкой мысли пошло вроде бы и немного времени, но почему-то додумался я не сразу. Заодно появился термин «запрет» и глагол «запрещать». Аналог клятвы Гиппократата тут существовал, но с существенной поправкой: клятва была магической, и нарушивший ее рисковал как минимум серьезным повреждением здоровья, не поддающимся магическому лечению. Или даже жизнью.

Ладно, пока отставим непонятные типы магии. Посмотрим, как обстоят дела с накопителями.

— Ты дать силу кристалл запасать?

— Да.

Спрашивать, сколько силы запасено, зряшный труд. Не знаю я местных единиц измерения магической силы. Попробуем через другие единицы.

— Ты этот кристалл запасать силу работать много? День?

— Нет, четверть дня.

— Какой кристалл запасать силу много-много?

Сарат-ир показал на турмалин.

— Ты этот кристалл запасать силу день?

— Нет, четверть дня и половина четверти.

Это я прошляпил — не изучил достаточно дроби, остановился на четвертях. А он думает, что восьмушек я не знаю.

— Другой маг иметь ключ, взять силу эти кристаллы?

Та же проблема. Сила заметно специализирована.

Мой специалист решил проявить добрую волю.

— Кристалл, заряженный один раз, запасает силу много-много, десять раз — много, двадцать раз — немного, пятьдесят раз — никак. — Потом еще подумал и добавил: — Кристалл должен заряжать умелый маг. Если неумелый — силы много-много-много, но только один раз, потом никак.

Опа, а здешние магические аккумуляторы не терпят перезаряда и к тому же имеют скромное количество циклов «заряд—разряд». А если починить? С некоторым трудом мне удалось задать этот вопрос.

— Нельзя чинить. В кристалле много трещин, может... — явный пробел в словаре.

ГЛОССАРИЙ И ПОЯСНЕНИЯ

Грок — сказочное существо, владеет сильной магией, обычно описывается как великан вдвое выше ростом обычного человека. По легендам, существовали в очень древние времена, потом исчезли. Никаких материальных свидетельств их существования не найдено, поэтому среди образованных людей гроки считаются вымыслом.

Дикие маги — маги, получившие свою силу в отсутствие университетского образования. Обычно такие маги являются учениками других Диких магов. Успешные самоучки крайне редки. Сущность магии та же, что и у обычных магов, но поскольку получение магического образования каким-либо путем помимо университетского курса является незаконным, то Дикие маги также преследуются по закону. Описаны случаи военных действий сообщества Диких магов с магическим сообществом Маэры (см.). Каждый раз Дикие маги были побеждены, но полностью уничтожить их ни разу не удавалось.

Кристаллы и магия — прослеживается четкая взаимосвязь между кристаллической решеткой и магическими потоками. На эту взаимосвязь накладывает влияние граней кристалла. В частности, влияние оказывает ориентация граней относительно осей кристаллической решетки, а также ровность поверхности граней. Чем сильнее связь между атомами, тем при прочих равных условиях лучше магические характеристики кристалла. По этой причине ионные кристаллы (например, солей металлов) считаются малоценными. Наиболее ценными полагаются кристаллы с ковалентными связями (окислы металлов, силикаты и алюмосиликаты). Самыми ценными считаются корунды, бериллы и топазы (кристаллы первого класса). К кристаллам второго класса относятся кварц и гранаты.

Высоко ценятся оптически прозрачные кристаллы. Исключением является флюорит, о котором по сей день ведутся споры. Считается, что магические характеристики флюорита очень высоки, но многие полагают, что трудности управления магическими потоками для флюорита сводят на нет его преимущества. Оптически непрозрачные кристаллы почти не применяются, так как считается, что их недостатки (трудности в управлении магическими потоками и повышенное их рассеяние) не компенсируются даже дешевизной таких кристаллов.

Традиционно считается, что цвет кристалла может благоприятствовать его магическим свойствам, но лишь для определенных школ магии. Так, зеленые кристаллы полагаются наиболее подходящими для магии жизни. Бесцветные кристаллы считаются универсальными, но многие маги с узкой специализацией предпочитают цветные.

Дефекты кристаллической решетки ухудшают магические характеристики кристаллов. Наиболее вредными считаются трещины, включения с другой кристаллической решеткой и поверхностные дефекты (неправильная форма). По этой же причине не употребляются кристаллы в виде кабошонов, а также кристаллы с микро- и макровключениями (например, авантюрин). Наличие двойников не считается серьезным дефектом, поскольку практически доказано, что трудности в управлении магическими потоками и их рассеяние и нежелательное преломление возрастают в незначительной степени.

Кристаллы могут использоваться как накопители магической энергии. Со временем накопленная энергия рассеивается. При заряде кристалла магической энергией в нем накапливаются дефекты кристаллической решетки. При избытке магического заряда и последующей разрядке это может привести к взрыву кристалла, при этом он рассыпается в пыль. По этой же причине количество циклов «заряд-разряд» весьма ограничено (не более ста, обычно меньше). Скорость саморазряда определяется количеством дефектов кристаллической решетки (внутренних и наружных). В частности, на нее влияет ровность поверхности граней. Большое значение имеет вес (размеры) кристалла. Считается, что природный кристалл размером полдюйма полностью разряжается за месяц, дюймовый кристалл может сохранять энергию до двух месяцев, двухдюймовый — до года.

Кристаллы могут использоваться также как усилители магической силы. Такой усилитель действует как упорядочива-

тель магических потоков, идущих от самого мага. Рассеивание магической энергии при этом крайне невелико, поэтому усилители могут действовать месяцами.

Так называемый истинный усилитель отличается от обычного коэффициентом усиления. Такой усилитель может поднять уровень магической силы мага выше нуля, даже если он ее перед этим совершенно утратил. Однако истинный усилитель не может снабдить магическими способностями человека, у которого таковых изначально не было. Необходимым условием для восстановления является первичная заряженность самого усилителя. В частности, первичную зарядку может осуществить сам маг, потом отложить этот кристалл и в случае утраты магических способностей использовать его как восстановитель таковых. Практически это подтверждено, однако теоретическая картина явления остается по сей день неясной. Предположительно, усиление происходит вследствие резонанса магических центров самого мага с соответствующим образом ориентированными магическими потоками в кристалле. Для изготовления истинных усилителей пригодны лишь высокоценные кристаллы, поэтому такие усилители — редкость.

Магические изделия — изделия, рассчитанные на выполнение каких-либо действий магическим способом. В отличие от заклинаний, могут использоваться как магами, так и немагами. Как правило, такие изделия включают в себя кристаллы. Изготавливать и продавать магические изделия боевого назначения могут лишь маги, для немагов это запрещено законом. Для немагов разрешается встраивание кристаллов, заряженных определенного вида заклинаниями, в изделия, но такое разрешение могут получить лишь члены соответствующих гильдий, причем виды встроенных заклинаний оговорены в специальных списках. Имеется также обширный список магических изделий, изготовление и продажа которых запрещены законом для всех. В частности, это относится к изделиям, использующим заклинания магии смерти.

Одним из видов магических изделий являются амулеты. Они носят при себе и рассчитаны на повседневное использование. Обычно имеют вид оправы, в которую вставлен соответствующий кристалл и которая служит органом управления кристаллом (для немагов). Такая оправка обычно носит на цепочке. Амулеты отличаются разнообразием как по назначе-

нию, так и по цене. Как правило, изготавливаются и продаются магами.

Производственные магические изделия (нагреватели, охладители, движители и т.д.) изготавливаются и продаются членами соответствующих (немагических) гильдий.

Магические ранги (звания) — ученые степени применительно к магам (в порядке возрастания): бакалавр, лицензиат, магистр, доктор, кандидат в академики, академик.

Маэра — государство магов (самоназвание). В обыденной речи малоупотребительно, заменяется на «государство».

Обращения — к магам принято обращаться в соответствии с их магическим рангом (*см.*): «почтенный», «достопочтенный», «весьма почтенный», «особо почтенный», «высокопочтенный» и «почтеннейший». Если титул неизвестен, допускается обращение «господин» или «госпожа». К купцам и ремесленникам обычное обращение — «уважаемый». В знак особого почтения к ремесленнику допускается также обращение «мастер». К военнослужащим, а также стражникам принято обращаться «сударь», причем при обращении к офицеру хорошим тоном является добавление воинского звания.

Черные земли — область, окружающая Маэру (*см.*). Широко распространено мнение, что появились они вследствие деятельности магов Маэры, создавшей таким образом непреодолимый барьер вокруг таковой. Это мнение оспаривается рядом магов, полагающих, что Черные земли представляют собой не барьер, а полностью уничтоженную часть территории планеты, население которой возродилось позднее. Известно, что уровень развития государств за Черными землями весьма низок по сравнению с Маэрой. Связь с этими государствами и информация о них практически отсутствуют. По непроверенным данным, за Черными землями непрерывно идут локальные войны с применением магии, вследствие чего развитие тамошнего общества полностью заторможено.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие автора</i>	5
НЕГАТОР. Фантастический роман	6
<i>Глоссарий и пояснения</i>	371